

Janusz Fuksa

**ВОСПОМИНАНИЯ
ИЗ ПУТЕШЕСТВИЙ**

**WSPOMNIENIA
Z WĘDRÓWEK**

Wrocław, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Описанные в брошюре воспоминания странствований по существующему тогда Советскому Союзу были предприняты благодаря киевским коллегам. Но первой причиной был Киевский политехнический институт, который объединил нас, молодых тогда людей, на пять лет.

Статьи о путешествиях, написанные на польском языке, были печатаны в разных краеведческих журналах. Перевод я сделал в 2009 году, готовясь к пятидесятилетию нашего выпуска с 1959 г. Издал тогда специальную брошюру в цикле *Воспоминаний из Киева*.

Читатели простят мне невольные ошибки в этом тексте; до дня его создания миновало ведь полвека с тех пор, когда я пользовался русским языком ежедневно. Я старался сохранить колорит описаний, ибо возникли они сразу после возвращения из трасс путешествий, когда мы переживали ещё новые для нас приключения. Тогда мы соединены были страстью ознакомления с живописными закоулками Украины и России.

В эти давние времена мы, молодые поляки, замечали наших восточных славянских соседей как доброжелательных союзников в строительстве совместного будущего. Во всех моих странствованиях по Стране Советов я испытывал именно такое же отношение со стороны местных жителей. А ведь это не были официальные поездки и встречи, только частные контакты со многими жителями городов и деревень на наших маршрутах. Везде я видел великолепных людей, сердечных и непосредственных. Встречался с исключительной благосклонностью и гостеприимством, чаще всего вполне бескорыстным.

Сегодня образ пятидесятих или шестидесятих лет – это древнее прошлое. Пешеходный горный туризм без нужного оснащения кажется ныне чем-то совершенно неправдоподобным. Такие, однако, были времена и такими были мы, студенты, а потом выпускники самого большого вуза Украины. Сегодня, спустя больше шестидесяти лет, остались мы теми же молодыми душой, хотя не возрастом, людьми, которые ценят прожитые вместе годы и хранят от забвения свои воспоминания молодых лет.

Эту брошюру я предназначаю для лиц, которые я знал и ценил, с которыми я встречался и сотрудничал, и которые, как и я, действовали, чтобы сблизить наши славянские народы.

Януш Фукса

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ПУТЕШЕСТВИЙ

КРЫМ

Я просыпаюсь рано, ещё перед восходом солнца. Невзирая на холод и его следствие – нежелание, я лезу из-под одеяла. Со Светой мы выполняем сегодня дежурство. Наша главная задача – подготовка вкусного завтрака.

Когда товарищи ещё спят, мы зажигаем на берегу реки костёр, кипятим два ведра воды. После некоторого времени одно из вёдер содержит питательную туристическую крупу, второе – сладкий кофе с молоком.

В семь часов тридцать наша группа, после еды и приведения себя в порядок, выходит в путь. Сначала мы идём долиной вдоль реки, через фруктовые сады деревни Баштановка.

Мы входим в гряду гор покрытых густым лесом. Отенённая тропа, извиваясь между скалами и деревьями, ведёт всё вверх. Сбоку журча течёт чистый ручеёк с ледяной водой. Темно и прохладно. Через густую листву деревьев не проходят лучи солнца, находящегося близко зенита. Приятно здесь, в этом старом лесу. Однако после долгого похода мы начинаем чувствовать усталость. Надо после каждого часа марша делать десятиминутный отдых.

Мы оставляем за собой перевал, сходим в долину. По правой – высокие отвесные известковые скалы. В солнечных лучах они ослепительно белые. Без солнцезащитных очков трудно на них смотреть.

Впереди ялтинское шоссе. Мы идём несколько километров по разогретом асфальте. В деревне Большое Садовое останавливаемся на берегу реки на обед. Купание в реке освежает нас, еда насыщает, короткий сон подбадривает.

Спустя два часа мы шагаем дальше. Правда, в первом моменте идти очень тяжело, но вскоре мы „расходимся”. Пройдя поля ячменя мы останавливаемся коротко в деревне Истоки. Отсюда уже только несколько километров и мы у конца сегодняшнего этапа: впереди высокая гора Мангуп-Кале.

По узкой тропе взбираемся вверх. Склон горы доходит иногда до 50 градусов, идти трудно. Стараемся урегулировать дыхание, которое становится глубоким и тяжёлым. На нас льётся пот. И будучи в таком состоянии мы замечаем в половине склона при тропе на камне надпись: „С лёгким паром!”. Действует она на нас сейчас как насмешки.

Наконец то мы на вершине с огромным количеством пещер, выкованных в камне. При одной с пещер мы останавливаемся. Дежурные

приступают к подготовке ужина. К счастью близко находится маленький источник с чистой горной водой, холодной как лёд.

На вершине мы не одни. Отдыхает здесь много туристов. В соседней пещере остановилась большая экскурсия из Закарпатской Украины, неподалёку – туристы из Ленинграда.

Приближается закат солнца. Пока ещё не наступили сумерки, мы идём посмотреть вершину. Информации о ней получаем у экскурсоводов других туристских групп.

Гора Мангуп-Кале находится 20 км к югу от Бахчисарая. Её высота 581 м. Состоит с четырёх мысов: Дырявый, Ветров, Сосновый и Караимский. Гора принадлежит к самым недоступным в Крыму. Со всех сторон кончается пропастями. Существуют только две тропы ведущие на вершину; одной из них мы вошли.

Город пещер возник в V-VI веке. В XIV столетии Мангуп-Кале стало центральным городом небольшого княжества Феодоро, которое в XV в. установило политические и торговые контакты с Московским государством. В 1475 г. крепость и город пали после осады турками. Турки в скалистом отвесе выковали (руками пленных) тюрьму снабжённую гротами истязаний. Причиняет она донныне впечатление ужаса. Заключённый здесь пленный приговорён был на пребывание в подвалах до смерти, которую выполняли, сбрасывая узников в пропасть. Бегство делала невозможным с одной стороны пропасть на несколько сот метров, с другой – стена и замок, отделяющий тюрьму от остальной части вершины. Всё-таки, как несёт весть, один из русских командиров, находящийся в тюрьме более десяти лет, нашёл наконец способ на реализацию бегства. Опустился он в пропасть и прорвался как-то в Россию.

На вершине мы посещаем много пещер, руины двух замков, также тюрьму на скале. На каменном своде тюрьмы мы читаем несколько надписей, выполненных туристами. Самой старинной из них является надпись от 1885 г.

С вершины мы восхищаемся закатом красного как кровь солнца, а также впервые вдали видим сливающееся с небом море. Впечатление огромное. Это ведь цель нашего марша через крымские леса и горы.

После осмотра всех отрогов Мангуп-Кале, уже при свете электрических фонариков, блуждая, прорываясь через колючий кустарник (для одетых в короткие брюки эта дорога была сугубо неприятной), мы добираемся наконец к нашему биваку. Ужин уже давно нас ждёт. Витя Л., Жора и Юра вложили в него все свои туристические умения по кулинарии. Плов и настоящий компот из сухих фруктов необыкновенно вкусны.

После ужина мы ложимся на сене и одеялах в скалистом гроте. Разговоры касаются жизни пещерных людей, но также студентов. Звучат туристские песенки, среди них песенки студентов Киевского

политехнического института. Проходит много времени, пока разговоры и песенки стихают и все в гроте засыпают.

На следующий день мы просыпаемся значительно позже чем запланировал наш вождь, лишь в 5.30. Уже давно двинулись в путь туристы из соседних пещер. И мы готовы к выходу из плоской вершины Мангуп-Кале.

Дорога сперва ведёт крутым склоном горы, затем тропой среди падающего гравия известковых скал. Удивляет нас здесь одна тонкость природы: на каждом растении, растущем в этой белой скалистой свалке, сидит несколько или более десяти удлинённых скорлуп улиток. Некоторые из них даже содержат живые улитки. Откуда взялись, какие нашли здесь условия для жизни? Жалко, что мы не биологи, чтобы решить этот любопытный вопрос.

Сошедши из горы мы снова находимся среди обыкновенной низменной природы. Чем ближе полудня, тем более жарит солнце, марш становится трудным. Поэтому, после каждого часа ходьбы, мы вынуждены останавливаться на четверть часа отдыха. На пути мы выпиваем огромные количества компота и воды.

По дороге обгоняем группы студентов из Ленинграда и учеников из Закарпатья. В следующие дни мы ещё не раз их встречали; ибо они шли тем же самым что и мы туристским путём номер 3.

Район Куйбышево, которого земли мы топчем, был заселён переселенцами из России и Украины. Он имеет богатые патриотические традиции периода нацистской оккупации. К примеру деревня Горянка за помощь крымским партизанам была немецкими фашистами сжжена, а её жители расстреляны. В этой окрестности проходили ожесточённые бои между партизанами а оккупантами. Здесь можно встретить сегодня памятники и мемориальные доски в честь героев отечественной войны.

После полудня мы останавливаемся поблизости деревни Голубинка, на берегу реки, в естественном шалаше, образованном ветвями деревьев и кустов. Место создано в мечтах: рядом находится ключевая питьевая вода, а подальше – река.

После короткого отдыха и купания каждый из нас занимается чем-то соответствующим для себя: Юра и Света трогаются к деревне за покупками, дежурные приступают к зажиганию костра, „инвалиды” (а было их уже несколько) – к лечению обтёртых ног, а Витя Л.и я, среди смехов и шуток, берёмся за «продовольственную химию». Имея марганцовку и хлорид натрия, мы задумываем приготовить минеральную воду «Нарзан». Знаем, что в составе этой воды есть ионы, которые можно получить из этих веществ. Не надо очевидно добавлять, что полученный раствор совсем не был похож на «Нарзан» и оказался невозможным для выпивки, даже после добавления сахара.

Солнце скрылось уже за линией горизонта, на небе появились золотистые звёзды и серебристая луна, неподалёку отозвалось кваканье лягушек, глушенное иногда журчащей рекой, из дали доходили отголосы жизни деревни – а мы всё лежали в нашем «павильоне» на мягких одеялах и сене, заслушанные в ночное пение природы. Вскоре раздались песни туристов: каждая в молярной тональности, каждая печальная, полная лирики и чувства. Можно бы их определить одним единственным русским словом: «задушевные» песни. Любопытно, откуда берётся этот большой контраст между весельем туристов днём и их лирикой ночью? Пожалуй отсюда, что туристы, как никто другой, любят природу и поддаются её магическому влиянию. Поэтому радость жизни природы днём передаётся и им, а её таинственность ночью оказывает настолько большое влияние на настроение туристов.

Утром, учитывая тот грустный факт, что многие члены нашей группы не могут ходить из-за повреждения ног, мы подъезжаем несколько километров грузовиком встречным на шоссе. За нами остаётся деревня Соколиное. Автомобиль проезжает какие-то ужасные серпантины горной дороги. Поминутно находится перед скалой или над пропастью, поворачивает на большой скорости то налево, то направо. Бравада езды водителя одновременно и пугает, и восхищает нас. Мы всё ждём, что из-за поворота узкого шоссе появится второй автомобиль, который может стать причиной катастрофы. Шоссе однако в эту пору совсем пусто.

Сошедши с грузовика мы углубляемся в лес. После нескольких десятков минут дороги мы у входа в Большой крымский каньон. Разложив одеяла и рюкзаки на зелёной мураве, мы разделяемся на две группы. Первая, в состав которой входят Саша, Витя С. и я, отправляется посмотреть ущелье немедленно. Остальные готовят еду, отдыхают, а лишь после полудня углубятся в овраг.

Вместе с двумя товарищами я иду вверх по реке Розовая. Берега, сначала заросшие густым лесом, становятся всё более крутые и скалистые. Воды всё меньше. Гравий и глыбы заросшие мхом вскоре заменит единое скалистое дно, в котором вода, словно какой-то сказочный художник, высекла воронки и ванны. В одной из них Витя пробует купаться. Раздевшись, быстро входит в воду, но ещё быстрее из неё выскакивает. Заявляет, что вода настолько холодна, что «жжёт».

Перепрыгивая из камня на камень, минуя водные бороздки и воронки, мы продвигаемся всё дальше внутрь ущелья. Зелёное обрамление берегов, состоящее с деревьев и толстых на два пальца лиан, исчезает. По обеим сторонам реки мы видим высокие, отвесные почти скалы. А где-то над ними, под небом, шумят старые сосны стерегущие доступа к оврагу.

Мы шагаем дальше. Ручей исчезает; вытекает очевидно из-под земли как воклюзный источник. На нашей дороге огромные глыбы диаметром 3-

5 метров. Миновать их нельзя. Пользуясь шестами (упавшими наверное из леса зеленеющего над скалами) мы преодолеваем препятствия. Скалистые стены, высотой почти 300 метров, всё более суживаются. Ширина ущелья составляет уже не больше 3 метров.

У меня возникает трудность с закреплением этого фрагмента природы на фотофильме. Аппарат никак не хочет вместить всего великолепия оврага.

На скалистой стене я вижу надписи, вырытые туристами из всего почти Советского Союза. Видно здесь и Ленинград, и Ташкент, и Ярославль, и Петрозаводск, и названия многочисленных других городов.

Уже время возвращаться. По той же самой дороге, так как другой нет, наша тройка возвращается к месту лагеря. Остальные туристы, поощренные нами, сейчас же идут внутрь каньона, а мы остаёмся на охране места бивака и кушаем.

Большой крымский каньон! Ещё сегодня я вспоминаю это место как самый красивый, самый волшебный уголок девственного Крыма.

Этого же дня мы знакомимся с группой пяти студентов-туристов из Ленинграда. Называют себя племенем Ням-ням. Признаём, название выбрали превосходно.

Ранним утром мы встаём после холодной, плохо проспавшей ночи. Странное это крымское лето: дни невыносимо жаркие и так же само невыносимо холодные ночи.

Угостившись обильно рисом и какао, мы констатируем по окончании завтрака, что половина приготовленной еды осталась нетронутой. Напоминаем о существовании племени Ням-ням, которого кочевье находится на противоположном берегу реки Розовая. Итак наш вождь Юра предлагает ням-нямовцам выслать на наш берег специального посланца по делу безвозвратной передачи еды. Вскоре такой делегат действительно появляется и содействует в опорожнении обоих вёдер. Возвращение посланца на берег Ням-ням вызывает крики удовлетворения со стороны проголодавшихся «диких».

В 5.20 наша группа, переступив реку по камням, находится у старта к очередному длинному этапу.

На том берегу бросается нам в глаза странный вид: при тлеющем ещё костре сидят или лежат пять членов племени Ням-ням, одетых в летние рубашки и короткие брюки. Один из них, вождь племени, лежит со связанными руками и покрашенным в чёрный цвет лицом. При костре на длинном шесте заткнут лошадиный череп – символ племени.

Мальчики эти были вынуждены жечь костёр всю ночь для согревания, ибо не имели ни одеял, ни даже тёплой одежды. Туристы эти очевидно воображали Крым как постоянно жаркую землю. Удивляло меня их мужество и веселье, их жажда приключений, но тоже их беззаботность.

После прощания с диким племенем Ням-ням мы идём по лесу, имея за экскурсовода карту, компас и так называемые «кроки» (ручной набросок местности с назначенной на нём трассой), полученные вчера от какого-то туриста знатока этих окрестностей. Два часа мы идём вверх узкой тропой среди высоких деревьев. Дорога напоминает трудный вход на Мангуп-Кале.

Мучительная лесная тропа кончается. Мы снова на солнечной равнине. Ещё более десяти минут... и мы входим на асфальтовое шоссе, которое должно нас довести до цели сегодняшнего дня – вершины Ай-Петри.

Мы находимся на крымском плато. Окружающие нас пригорки полностью лишены лесов. Растёт вокруг только трава, пожелтевшая из-за безводья и избытка солнечных лучей. Действительно, июль в этом году дал себя знать Крыму. Уже давно на землю не упала ни капля воды.

Проходим по плато семь километров. Единственный встреченный человек (не считая туристов в автобусах шмыгающих по шоссе) это пастух овец, который вместе со своим многочисленным стадом находится на этом пожелтевшем пастбище.

Уже поздний утренний час, когда перед собой мы видим вдали турбазу. Дошедши ближе читаем надпись: „Ай-Петри”. Сейчас же первая двойка ускоряет шаг. Сворачивает из дороги и направляется к холму виднеющему пятьдесят метров дальше. Юра, который первым достигает скалистый выступ, останавливается, распростирает руки и кричит:

- Море!

После минуты и я настигаю скалу. Останавливаюсь как вкопанный, забывая о снятии тяжёлого рюкзака, очарованный видом раскрытым перед глазами.

Синева неба, виднеющая обычно выше линии горизонта, снизилась, опустилась, легла под нами, зазубренными зубцами вторглась в сушу на тысячу метров ниже нашей скалы. Нет никакой границы между небом и морем, только пояс лёгкого тумана подсказывает, что такая существует в действительности, что укрыта там, далеко, куда зрение не доходит. Голубое Чёрное море кажется с этой высоты единой массой, которую кое-где попересекали мелкие чёрные точки кораблей, оставляя за собой белый веер пены. Слева, под нами, видны красные коробочки домов, а между ними – какие-то муравьи, наверное автомобили. То столица Южного побережья – Ялта, видимая с полёта птицы. Правее неё – дачные местности Гаспра, Мисхор, Кореиз. Ещё дальше направо, скрытая частично, Алупка. С правой стороны горделиво над окрестностью царствуют скалистые зубцы вершины Ай-Петри (1234 м), высочайшей и самой оригинальной вершины этих приморских окрестностей.

Стоя над этой тысячеметровой пропастью мы видим почти под ногами дивно приплюснутые серпантины шоссе, которую построили на

скалистых полках, чтобы соединить плато с дном пропасти – с побережьем.

- Как вы думаете? Если бы я сделал ещё три шага, я попал бы в Ялту, или в Чёрное море? – прерывает молчание кто-то из шутников.

Действительно, преувеличения в его словах немного. Бывали здесь случаи смерти неосмотрительных туристов. Не помогла даже ограда и остерегающая табличка: «Подходить близко запрещается! Пропасть!». Туристы и так обходят ограду, чтобы взглянуть под ноги в пропасть.

Восторгаясь осматриваемым видом мы делаем много снимков. Съедаем второй завтрак, после чего, загрузив свою экипировку на спину, а в руки взяв палки или трости, отправляемся по направлению вершины Ай-Петри.

Проходя шоссе мы замечаем памятник воздвигнутый в честь партизан, погибших здесь во время отечественной войны. Мы минуем метеорологическую обсерваторию и турбазу, после чего идём по каменистой полевой дороге, среди каких-то странных растений, невстреченных до сих пор. На этой свалке вулканической лавы, всё время подвергнутой действию солнечных лучей, расположенной на высоте 1200 м н.у.м., растут растения сухие, с желтоватой окраской, со значительно средуцированными листьями. Их цветы – жёлтые, красные – так же твёрдые и сухие.

Под самой вершиной мы находим созданное в мечтах место под привал. Поляна прикрыта с одной стороны высокой скалой, с другой – деревьями леса. Здесь мы раскладываем свой бивак. Нужно подумать об обеде. А тем временем, вопреки утверждениям встреченных вчера туристов, воды нет ни в туристической базе, ни под вершиной; царствует засуха. Существует единственный выход: сойти из Ай-Петри по направлению побережья и там, или по дороге, найти какой-нибудь источник. Да, но кто решится теперь, после обременительного марша, в полдень, выполнить эту трудную задачу?

Соглашаюсь идти с Сашей. Взяв на палку два ведра мы идём тропой вниз к побережью. Останавливаемся на небольшой скалистой площадке над крутым склоном горы. Вид отсюда великолепный: на фоне моря белеют островки облаков, перемещаясь медленно над его синей пучиной. С нашей высоты выглядят совсем микроскопически. Некоторые из них медленно всплывают на сушу и разбиваются на высокой скалистой стене Ай-Петри. Что-то похожее видел Адам Мицкевич больше ста лет тому назад. Вот как изобразил это чудо природы в сонете XVI «Гора Кикинеис»:

Spojrzyj w przepaść – niebiosa leżące na dole
To jest morze; śród fali zda się, że ptak-góra,
Piorunem zastrzelony, swe masztowe pióra
Roztoczył kręgiem szerszym niż tęczy półkole,
I wyspą śniegu nakrył błękitne wód pole.
Ta wyspa żeglująca w otchłani – to chmura!

На скальном выступе мы замечаем стоящую неподалёку девушку возрастом около 20 лет. На её рукаве блестит значок FDJ. Подходим ближе, начинаем разговор. Оказывается, что наша новая милая знакомая Лизбет приехала как туристка из Немецкой Демократической Республики. Работает как учительница и живёт в деревне Лангенсвольмсдорф. Видела уже в Советском Союзе несколько городов, теперь не может надивиться красоте Крыма. Удивлена, что она, немка, имеет возможность познакомиться здесь с поляком из-под немецкой границы. Да, встречи среди молодёжи бывают неожиданны и странны, но они всегда приятны и сохраняются надолго в памяти.

А мы с Сашей идём по тропе вниз. Проходит четверть часа, проходит полчаса, глыбы и камни остались высоко над нами, мы прошли уже хвойный лес, а источника всё не видно. Повернуть? Дурно. Надо идти дальше, хоть бы к самому морю.

И действительно, на расстоянии нескольких сот метров от взморья мы находим незасохший ещё маленький источник. Набрав два ведра воды трогаем обратно. Легко было сходить свысока с пустыми ведрами! Теперь, когда в обоих находится вода, каждая оплошность грозит разлитием этой жидкости, которая с каждым шагом становится для нас большей ценностью.

- Я начинаю понимать экономическое понятие ценности и полезной ценности – замечает в шутку Саша.

Наклон горы увеличивается. Идущий впереди опускает палку с ведрами как можно ниже, идущий сзади вынужден держать эту палку на высоте плеча. По каждых десяти минутах обременительного марша мы останавливаемся на короткий отдых. Час дороги за нами, а к цели ещё далеко.

Обходят нас туристы. Улыбаются. Такого не знает наверное история Ай-Петри; никто, пожалуй, ещё от моря воды ведрами на вершину не носил. Последние десятки шагов мы ставим очень осторожно. Вылитие воды в этом месте, после таких трудов, было бы для нас невозможным ущербом.

После двух часов мы на месте бивака. Вода в каждом ведре занимает половину его объёма. Мы должны были вернуться на второй час после полудня, а миновал уже пятый. Дежурные берутся за подготовку ужина в место обеда. Никто нам не делает никаких упрёков. Видно, товарищи нужным образом ценят нашу самоотверженность и самоотречение. Мы также удовлетворены как первые туристы из нашей группы, которые дотронулись своей стопой Южного побережья Крыма.

К вечеру идём на вершушку вершины Ай-Петри. Скальные пики торчат перед нашими головами, но пробраться к ним нет способа; отделены мы от них пропастью на больше чем десять метров.

Уже в сумерки мы ужинаем. Берлогу мостим листьями. Как обычно, лёжа, начинаем разговаривать, потом петь и играть на губной гармошке.

Вечер ясный и необыкновенно тёплый. Здесь, на значительной высоте, гораздо теплее чем накануне в каньоне.

Подходит к концу пятый день странствования через крымские леса и горы от выхода из Бахчисарая. Мы добрались к Южному Побережью. С завтрашнего дня начнём посещение городков, которых множество на берегу моря. Наш турпоход примет вид более цивилизованного; ежедневно будем встречаться с людьми и находиться среди них. Надеемся на ознакомление со многими памятниками старины и красивой южной природой.

Мы в Ялте. В морском порте стоит большое пассажирское судно «Россия», которое ещё сегодня отправится по своей обыкновенной трассе: Новороссийск, Туапсе, Сочи, Сухуми, Батуми.

Ищем пристани экскурсионных судов. По трудах пешего странствования мы хотим познакомиться с обаянием прогулки вдоль берегов Крыма. Судно, после приёма на палубу туристов, отчаливает. Ялта остаётся всё дальше, уменьшается, а над ней мы видим леса, проходящие выше в скалистые горы.

Недалеко отсюда находится предельная глубь Чёрного моря – 2245 м. А вся площадь моря – это 410 тысяч квадратных километров.

Легенда гласит, что когда-то из Константинополя отправились несколько судов искать новые урожайные земли. Сорвалась буря, волны заливали суда, а туман не позволял путешественникам ориентироваться, где находятся. Когда ждали уже только худшего, ветер перегнал туман и открыл вид на какие-то зеленосерые горы.

- Ялос, ялос! (Берег, берег) - закричали греческие матросы.

Причалили к берегу красивой Тавриды, где нет зим, где в воздухе запах моря и аромат трав, где растут виноградники и розы. И так уже осталось: селение назвали Ялтой.

Передвигаясь к юго-западу мы осматриваем белые санатории и дома на фоне тёмной зелени леса, вписанные в пейзаж. В гуще скрывается неоренессансный Ливадийский дворец с 1911 г. (место ялтинской конференции в феврале 1945 г.). Вот скала напоминающая парус, а дальше мыс Ай-Тодор с маяком. Когда-то была здесь римская крепость. Сегодня на отвесной 40-метровой скале стоит миниатюрный особняк Ласточкино гнездо с 1912 г., построенный в неоготическом стиле – визитная карточка Южного побережья.

Оплыв Ай-Тодор мы осматриваем Мисхор, со многими санаториями и гостиницами. Это самая тёплая местность Крыма, со средней годовой температурой +14 градусов по Цельсию. Сразу за пляжем видно здание вновь построенного (1955) санатория „Украина”, с колоннами и арками, с

каскадными террасами, сходящими в парке к пляжу. Здесь, в Мисхоре, в 1901-02 годах жил и писал Максим Горький. На скале в море стоит на коленях русалка Арзы с ребёнком в руках, на берегу – девушка с кувшином у источника, а за скалой – злой старик Али-Баба. Эти бронзовые скульптуры поставил здесь в 1905 г. эстонский скульптор Амандус Адамсон.

Над Мисхором царствуют пики знакомой нам вершины Ай-Петри. А ниже, при верхней дороге – ещё два посёлка: Кореиз и Гаспра, в которой лечился (1901-02) Лев Толстой. Здесь 73-летний писатель встречался с Максимом Горьким и Антоном Чеховым (живущим в Ялте).

Вдруг люди на судне показывают что-то в море. С левой стороны вдали плывёт стая дельфинов.

Наше судно идёт ещё несколько километров и в Алушке мы выходим на берег, чтобы осмотреть дворец Воронцова. Дворец сооружали крепостные мастера графа Михаила Воронцова под руководством английского строителя В. Гунта по проекту Э. Блора в течение 18 лет, начиная с 1828 г. Он построен в стиле поздней английской готики, с порталом в мавританском стиле. Здесь во время ялтинской конференции жила делегация Великобритании. Сегодня дворец пользуется мнением самой красивой исторической постройки Южного побережья Крыма. Находящийся в нём музей притягивает многочисленных посетителей. И мы входим террасами от моря через парк. Здесь много достойных внимания деревьев и кустов: пальмы, тисы, кипарисы, олеандры, магнолии, глицинии, розы. При лестнице мы минуем три пары мраморных львов. Интерьеры дворца скрывают картины и скульптуры западноевропейских и русских авторов с XVIII и XIX вв. Мы гуляем по дорожкам парка (40 га) среди экзотичных скульптур и растений. В верхней его части видим «хаос» – скопление скальных глыб. Задираем головы, чтобы отсюда, снизу, ещё раз взглянуть на Ай-Петри.

Из Ялты мы предпринимаем ещё одну экскурсию судном, на этот раз по направлению Гурзуфа. По дороге в Масандре, прославленной виноградниками и вином, посещаем Никитский ботанический сад, который здесь существует с 1812 г. На площади 40 га растёт 17 тысяч видов растений, в том числе 700 видов типичных для Крыма. (Позже сад был расширен до 280 га и 28 тыс. видов). Среди более экзотичных находятся: пальмы, бамбуки, пробковые деревья, гималайские кедры, секвойи великаны, кипарисы, туи, пинии, эвкалипты, мексиканские сосны, юкки, бананы, лавровые деревья. Особенное впечатление делают: пальмовая аллея, мексиканская горка с кактусами, круглый бассейн полный цветов, каскад бассейнов с водной растительностью.

Следующий проезд водным трамваем перемещает нашу девятку в Гурзуф. Здесь руины старой крепости (VI в.) на Генуэзской скале. Старая

часть города – это татарское строительство, как в Бахчисарае (узкие улицы, белые каменные стены, низкие домики). В верхней части города, на территории военного санатория, находится прославленный фонтан «Ночь», представляющий женщину с ребёнком и факелом в руке. Стоит она на шаре со знаками зодиака. Город гордится пребыванием здесь Александра Пушкина в 1820 г.

С верхнего шоссе опоясывающего Гурзуф открывается широкий вид. На востоке Аю-Даг (Гора Медведь) напоминает огромного медведя, который лёг, чтобы напиться морской воды. Высота этой куполообразной горы – 565 м, а длина – 2,5 км. Обрастает её дубово-грабовый лес. У подножия горы находится пионерский лагерь «Артек», основанный в 1925 г. Проводит в нём каникулы несколько тысяч детей.

На следующий день, после остановки в лесу выше Гурзуфа, наша группа идёт вверх через сады и виноградники, через леса и луга, на плато Бабуган-Яйлы, над которым поднимается высочайшая вершина Крыма Роман-Кош (1545 м н.у.м.). Мы проходим территорию крымского заповедника. Пользуясь приветливостью водителей грузовиков, люто усталые, мы кончаем путешествие в Алуште. Это старый город, о чём свидетельствуют руины средневековой крепости Алустон (VI в.). Сегодня Алушта, рядом с Ялтой, является важным санаторным, курортным и туристическим центром.

На предместье Рабочий уголок в лесу близко пляжа мы раскладываем бивак под голым небом. Спускаются сумерки, жара уступает места лёгкому прохладному ветерку от моря. Свет луны серебрит верхушки морских волн. В зарослях дребезжит резкий свист цикад. На пляже осыпанном маленькой галькой всё ещё находятся курортники и отдыхающие. Некоторые пробуют вечернего купания. В воде тепло, а луна добавляет морю красоты и романтичности.

Кончается наше пребывание в Крыму.

1956.

УРАЛ

В тайге

Наша шестёрка идёт тропой по берегу широкой в этом месте Лозьвы. Вокруг высокие разросшиеся сибирские кедры, сосны и пихты, кое-где стройные белые берёзки. Слева стремительное течение реки. Подлесок составляет трава, передающая нашим брюкам и обуви обильные запасы сырости.

Тайга густеет, тропа исчезает. Поминутно мы вынуждены проходить лежащие на земле стволы деревьев, заросшие мхом и травой, обходить

огромные деревья с баснословно спутанными ветвями. Мы протискиваемся между сплошь растущими елями, которые секут нас безжалостно по лицу и рукам.

Когда это прорывание начинает нам особенно досаждать, мы выходим на берег реки. Теперь, по круглым камням, идётся гораздо легче. Но вот излучина реки, вода сближается к высокому берегу, заросшему густыми кустами. Снова мы вынуждены уткнуться в тёмную гущу.

Это двойное кружение, по отношению к реке и вместе с рекой, значительно удлиняет трассу. Последовательные исчисления на основании карты показали, что мы проходили ежедневно в течение девятичасового марша едва около десяти километров по прямой линии.

А может быть более выгодно было бы идти на север, не держась спасительно реки? Руководитель группы Витя объявляет: «Идём по азимуту». Сам идёт впереди, часто поглядывая на компас пристёгнутый к руке.

Молкнет шум реки. Мы входим в дикую заросль спокойной и грозной тайги. Пробираемся среди высоких деревьев и сваленных стволов с торчащими вверх корнями. Обходим болота покрытые красным налётом и виднеющиеся кое-где чёрные пасти отверстий в почве. Неровная поверхность земли вынуждает осторожность. Туго пристающая к телу одежда вызывает обливание потом. Тучи комаров напоминают, что останавливаться не надо, а одновременно тяготеющий рюкзак вынуждает отдых через каждые двадцать минут. Ничего мы не выиграли отходя от реки внутрь тайги. Мы уклоняемся к северо-западу.

Вечером у берега чистоводной Лозьвы, перед высокой стеной сосн, горит костёр, освещая стоящие неподалёку две серебристые палатки.

Впереди препятствие в виде широкой реки, втекающей в Лозьву. Не может это быть Ушма, вдоль которой ведёт дальше наша трасса, так как течёт медленно и засорена. Ушма – река горная, вытекающая из Урала. Следовательно, надо нам пройти на противоположный берег.

С Витей я иду на разведку. Мы однако не находим достаточно узкого места, чтобы можно было пройти по дереву лежащему над руслом реки. Возвращаемся по берегу к группе. Буквально из-под наших ног срываются две утки и низко над водой летят на противоположный берег.

Мы застаём девушки в малиновых кустах. Для нас этих сластей уже не хватает. Впрочем наши головы заняты мыслями о переправе на другой берег. Начинается дискуссия: сделать плот или положить высокое дерево.

Алла, представительница солнечного Ленинабада, опытная туристка из Киевского политехнического института, немного думая, подтягивает брюки, берёт в руку длинную палку и не снимая сапог погружается в воду. Вскоре проходит самое глубокое место реки. Мы направляемся ей следом.

На другом берегу заменяем носки и выжимаем мокрые брюки. Наш медик Галя (из самого Ташкента) прописывает по таблетке пенициллина на простуду.

Мы съедаем скромный обед, состоящий с кусочка свиного сала, нескольких сухарей и кусков сахара. Странно, что хватает это нам. Видно руководитель хорошо подсчитал калории.

Вскоре шестёрка туристов идёт уже рядом вдоль Лозьвы. Я написал бы здесь: «идёт гуськом», если бы я не был уверенный, что в способе ходьбы именно гуси берут пример от туристов, а не наоборот.

Встаёт солнечный, хотя прохладный день. Сегодня я дежурю с Галей-летописом (жительницей Москвы). Поэтому вылезаю из палатки преждевременно. Мы варим вкусную гречневую кашу с мясом в одном ведре и чай во втором. Когда остальные туристы выходят на дневной свет и, вымывшись в реке, садятся к завтраку, случается что-то совсем неожиданное. Из леса вынырывает всадник на коне.

Уже вскоре лошадь щиплет зелёную траву у берега Лозьвы, а широкоплечий, рослый мужчина сидит среди нас при костре и угощается деликатесами туристической кухни. Мы узнаём, что Янис Петрович, латышской национальности, является теперь жителем тайги и работником создаваемого на краю тайги «Электролесокомбината». Направляется к экспедиции комбината, трудящейся над Лозьвой в её верховье.

Когда мы укладываем рюкзаки, Янис предлагает нам соединить их и положить на лошадь. С радостью пристаём на это. Мы можем теперь продвигаться значительно быстрее.

Мы шагаем найденной дорогой среди сосн, пихт и елей, проходим ручейки. Иду с Янисом, слушая его любопытных рассказов о тайге и её жителях. Янису посчастливилось когда-то быть гостем в правдивой хате людей тайги – мансов. Теперь рассказывает о ней, проявляя у нас большой интерес.

Но вот лошадь несущая рюкзаки заметно устала. Янис выбирает место заросшее сочной травой и объявляет стоянку. После отдыха и кормёжки лошади рюкзаки снова покоятся на ней. Однако, чтобы не переутомлять её, один с рюкзаков, этот самый тяжёлый, называемый нами «паразитом», мы несём попеременно.

- Пойдём, Огонёк – обращается бережливо Янис к своему коню.

Мы трогаем.

Вот мы у цели путешествия Яниса Петровича. Стоим у берега Лозьвы среди построек экспедиции комбината. Работает здесь более десяти человек. Янис разговаривает с работниками, мы отдыхаем и угощаемся обеденной порцией сала, сухарей и сахара. Поблизости Огонёк щиплет траву.

Но время идти в дальнейшую дорогу. Навьючаем себя рюкзаками. С грустью прощаемся с Янисом – добрым снисходительным человеком с широкой душой. Мы трогаем.

Вскоре слышим топот коня. Догоняет нас Янис. Решил, за счёт завтрашнего воскресного отдыха, отвести нас к устью Ушмы.

Спускаются сумерки. Мы стоим на месте, где сливаются воды двух горных рек Лозьвы и Ушмы. Нам надо пробраться на другой берег Лозьвы. Янис каждого из нас вместе с рюкзаком перевозит через воду на лошади. Наконец переправа закончена.

На высоком мыседвигающемся между две реки мы находим место, благоустроенное каким-то охотником, который провёл здесь видно несколько недель. Вот козырёк с берёзовой коры, стол со скамейками, витки берёзовой коры для зажигания костра. Благодарные судьбе мы берёмся за закладку бивака. Я собираю хворост, Витя рубит древесину, Галя-летопис зажигает костёр, Жора строгаёт колышки к палаткам, а Галя-медик и Алла ставят палатки. Работа кипит.

Через час мы сидим при светлом и жарком костре (не удивительно – берёзовая кора!). Едим ужин не менее вкусный чем обычно.

Ночью проходит много времени, пока не закончатся разговоры в палатках, и пока туристы из далёкого Киева, среди которых нет ни одного коренного киевлянина и таёжник родом из Латвии не заснут крепким сном.

Утром я задаю Янису вопрос, не намеревается ли вернуться в Латвию.

- Я сделаю это через год. Кончается мне период насильственного поселения. Я был здесь в лагере за Сталина - признаётся.

Мы прощаемся с нашим бескорыстным опекуном, встреченным в зауральской тайге, который был с нами правда только одни сутки, но в памяти остался навсегда. Да, доброжелательны и отзывчивы люди на Урале, служат добрым советом и помощью новичку, вторгающему в их суровый и девственный край.

Долго мы стоим маша руками, пока Янис Петрович на лошади не исчезает в тайге на противоположном берегу реки.

После дневного перехода мы входим на высокий берег реки и останавливаемся очарованные видом, который распространяется впереди.

За крутым склоном внизу извивается стремительная Ушма, блестя кое-где в лучах заходящего солнца. На другом берегу стена сосн и пихт начинает тёмно-зелёную полосу тайги, которая уходит вдаль, принимая всё более синюю окраску и кончается маячащим в тумане тёмно-синим массивом вершины Чистоп (1292 м н.у.м.). На Урал медленно падает красный как кровь солнечный диск. Чистое розовое небо добавляет виду странного обаяния неповседневности и таинственности.

Мы отрываем глаза от дали и отмечаем тогда, что стоим на мягком зелёном ковре мха, протканном красной брусникой. О лучшем месте на бивак мы не могли даже мечтать.

Вскоре уже горит костёр. Освещает снизу окружающие нас старые сибирские кедры и сосны. На фоне светлого диска луны видно висящие из их ветвей «бороды гномов» – длинные серебристые нитки мха.

Десятый день проходит от момента, когда мы вошли в гущу зауральской тайги. Десятый день на безлюдье и бездорожье, среди дикой природы. Шагаем по берегу быстрой горной речки Пурмы, притока Ушмы, в северной части свердловской области.

Мы проходим несколько сот метров по круглым камням, наполовину погруженным в воде, после чего за поворотом речки снова вынуждены войти на высокий берег и углубиться в гущу. Идём по мокрой траве достающей пояса, то снова прорываемся между кустами. Немного погодя мы перескакиваем с одной кочки мха на другую. Каждый плохо прицеленный прыжок грозит купанием в болоте, ибо кочки мокрые, пружинистые. Когда в поисках лучшей дороги мы углубляемся в часть тайги более отдалённую от реки, сталкиваемся с буреломом – кучей перевернутых, спутанных деревянных стволов.

Впереди свалённая толстая берёза. Я стаю на её стволе и нога проваливается. Ногой, как топором, я переполовил толстое дерево! Ибо это была труха содержащаяся в берёзовой коре.

Идя я припоминаю слышанное недавно известие, что где-то здесь, среди болот и лесов, живёт шесть русских семей – православных старого обряда. Якобы эти беженцы от мира узнали о последней войне лишь после её окончания.

Мы останавливаемся на краю луга, радующего зрение переливами цвета. На жёлтой и красной почве растут кое-где белые берёзки с зелёной листвой. Картину дополняет отражающаяся в реке синь неба, осыпанная мчащимися стаями облаков. Однако первый шаг на лужайку разрушает её обаяние: оказывается она болотом, заросшим жёлтым и красным мхом.

Но вот новое изменение ландшафта. Мы шагаем среди хвойных деревьев по подлеску из трав и дородной черники. Естественно, мы не отказываемся от охапки и пополняем ягодами наши скромные продовольственные пайки.

Идущий впереди охотник Жора пристаёт и даёт нам рукой знак остановки. С поднятым ружьём продвигается вперёд. Лишь теперь я слышу пение похожее на свист и улавливаю на ветвях окрестных деревьев небольшие серые птицы, напоминающие цыплята.

Раздаётся выстрел. На землю падает первая птичка. Остальные не боясь сидят на своих местах. Второй, третий, четвёртый выстрел! Перерыв

– и снова два выстрела. К одному с рюкзаков мы прикрепляем шесть рябчиков. Ждёт нас сегодня вкусный ужин. Ведь недаром рябчики были лакомством царских столов.

Мы полны внутреннего удовлетворения, потому что светит светлое солнце и идём по мансийской тропе. Да, в тайге для счастья нужно совсем немного.

При тропе мы встречаем кости лося, а на дереве пристёгнутые короткие, широкие лыжи, подбитые лосевой кожей. На соседнем дереве знак сложенный с нескольких зарубок ножом. Мы читаем: здесь человек убил лося. Значит, что недавно были здесь Манси. Находимся в районе их пребывания.

Ускоряем марш. Тропа проходит через Пурму на другой её берег. Пробуем пройти по свалённой берёзе. Первый на гибкое дерево входит Жора. Когда он посередине реки, отворачивается и просит меня: «Януш, сфотографируй!» – сейчас же падает в воду. Выскакивает на берег мокрый по колени. Среди волны смеха я вхожу на берёзу, пробуя пройти без поддержки себя палкой. Дохожу до смоченной Жорей части берёзы. Поскальзываюсь и острое течение горной реки заволакивает меня под берёзу. Лишь после десяти секунд удаётся мне освободить от напора воды и выскочить на берег. Мокрые брюки и такая же рубашка принуждают немедленно переодеться. Никто уже не пробует переправы по берёзе без поддержки себя длинным шестом.

На хребте дикого Урала

Мы идём на запад по направлению всё более близкого уральского хребта. Задаём себе вопрос: куда нас доведёт мансийская тропа? Увидим ли людей тайги?

Через час или два раздаются какие-то непонятные голоса. Я заостряю слух. Это собаки. Но откуда здесь собаки?

Мы выходим из высокоствольного леса и вот вдруг бросается на нас с лаем свора собак. Не атакуют, но окружают нас и ведут к конусообразной юрте. Перед неё выходят три мальчика, коренастые, с плоскими монгольскими лицами. Они одеты в цветные рубашки, выпущенные на плотно облегающие брюки. На ногах - обувь собственного производства с лосевой и оленьей кожи. За поясом в чехле – нож.

Мы приветствуем их. Спрашиваем дорогу на Урал, хотя он отсюда хорошо виден. Начинается разговор. Мы узнаём, что мальчики кончили национальную семилетнюю школу в своём зимнем селении Суеватпауль. Сперва учились на мансийском языке, в высших классах узнали немного русский. Теперь помогают родителям при выпасе северных оленей.

Подходит к нам старший человек, низкий, коренастый – наверное глава семьи. Одет похоже мальчикам. Выделяет его однако соломенная

коса, вплетённая в волосы и висящая до пояса. Я отмечаю, что на лице отнюдь не имеет растительности, хотя не бреется. Начинается короткий разговор на непонятном для нас языке между ним и сыновьями, после чего мальчики приглашают нас к «ёрнгол» – юрту сделанную с берёзовой коры.

После привычки глаз к темноте я вижу, что вокруг костра разведённого посередине юрты сидят на кожах члены семьи при еде. Едят какие-то круглые блины и тонкие пластыри чёрного мяса, а попивают чаем, якобы с гриба растущего на берёзе. Над костром копятся в дыму тонкие пласты мяса лося, называемые «тосам нёвиль».

Для удовлетворения своего любопытства я задаю хозяевам много вопросов. Удивляет меня мансийский язык. Не похожий на любой со слышенных языков.

Мужчины носят русские имена, женщины называются мансийскими именами. Каждый мужчина с моментом заведения семьи выбирает себе знак, состоящий с нескольких чёрточек. Когда трогается на ловы в тайгу, вырезает этот знак на деревьях. Существуют также общие знаки, оставляемые в тайге, к примеру косые чёрточки и прямоугольники могут обозначать, что этим путём прошли люди в таком-то количестве и собаки. В тайге очень легко потерять счёт времени. Поэтому отдельные манси ведут на берёзовой коре собственный календарь: прожитые будни значат чёрточкой, воскресенья – крестиком.

Летом каждая семья пастухов северных оленей полностью отрезана от общества. Живёт в переносной юрте у подножия гор и охотится на определённой территории тайги. Олени в эту пору свободно пасутся на склонах вершин Урала. Каждый с членов семьи располагает определённым количеством этих животных. Для пригонки оленей служат выдрессированные собаки овчарки. Собаки дают тоже знать о приближении волков.

Зимой манси живут в своих селениях. Выезжают иногда санями, запрягая к ним олени. Едут по замёрзнутым рекам к югу, к русским посёлкам, чтобы обменять шкуры на продовольственные продукты.

Об изменениях, какие произошли в жизни этого народа, свидетельствует переход к полuosедлому образу жизни. Большую роль играет также национальная школа. Кружит слух, что когда первый манси кончил семилетнюю школу, съехались несколько десятков семей, чтобы почтить самого умного человека своей окрестности.

Манси (собственное название моаньсь), называемые прежде вогулами – это народ, насчитывающий около семи тысяч человек, проживающий в Ханты-Мансийском национальном округе (523 тыс. кв. км., 134 тыс. жителей) в Тюменской области и на северных краях Свердловской области. Говорят на мансийском языке, отнесённом к финно-угорской семье языков. Мансийская азбука создана в 1920-ые годы на основании русского алфавита.

Наш разговор в юрте подходит к концу. Мы дарим семье коробку конфет. Получаем за это три килограмма «тосам нёвиль». Девушки покупают элегантные «нярки» – туфли из кожи лося.

Мужчины собираются теперь к своим оленям, предлагают нам сопровождение на хребет Урала. Мы охотно даём согласие.

Мы медленно подходим по направлению вершины. Манси уже на несколько сот метров выше нас. Удивительна их скорость передвижения по гористой местности. Своими малыми шагами идут в гору с такой лёгкостью, как мы двигаемся по равнине.

Светит на юге солнце, становится тёпло. Мы снимаем свитера, а в рубашках закатываем рукава.

Зона тайги кончается на высоте 700 метров. Мы находимся в горной тундре. По земле вьётся низкорослая берёза с пожелтевшими маленькими листками величиной в зерно фасоли. На камнях растёт белый олений мох. Вокруг настоящая естественная плантация черники. Не можем оказать сопротивления их количеству и величине. Поминутно мы останавливаемся и горстями срываем большие и вкусные ягоды.

Я смотрю по направлению, откуда мы прибыли. Внизу по камням переливаются воды стремительного ручья, дальше виден берёзовый лес, в котором стоит мансийская юрта, ещё дальше начинается тёмно-синяя тайга и уходит далеко, в бесконечность.

Ещё сто метров – и мы при шалаше с ветвей. Манси показывают шкуры убитых оленей. Прошу дать мне рога на память. Один с пастухов достаёт из-за пояса нож и отсекает нужной величины подарок из брошенных на земле рогов. Мы удивляемся остроте ножа, с чего манси довольны. Изъявляем желание сфотографировать живых оленей. Один с пастухов говорит несколько слов собаке. Далеко, на фоне снежного поля я вижу два оленя. Вскоре они уже при нас, доведены собакой.

Я вижу, что животные хромают. Манси объясняют, что в стаде появилась какая-то болезнь, против которой не знают лекарства. Вынуждены были уже убить много оленей.

Проходит час мучительного восхождения с тяжёлыми рюкзаками и мы находимся на вершине Гумпкапай (1152 м), в месте, где сходятся границы Республики Коми, а также областей Свердловской и Пермской, на шестьдесят второй параллели, дальше к северу чем Ленинград и Хельсинки. Это уже зона летних белых ночей. Жалко, что мы не оказались здесь в июне.

Плоская вершина покрыта камнями, она белая от оленьего мха. В щелях приютились хилые ветки низкорослой берёзы, сплюснутые по земле. Через каждые несколько сот метров видны разбросанные какие-то странные каменные постройки, высотой в три-четыре метра, напоминающие руины средневековых замков. Я подхожу к одной из

«построек». Вижу, что это скальный свидетель далёкого прошлого старого Урала. Стою в раздумье, полный восхищения для природы и её образований.

Манси показывают нам горный ручей с другой стороны Урала. Вот начало Вишеры – реки, вдоль которой ведёт наша дорога обратно к цивилизации.

Каждый из нас перед отправлением в поход представлял себе по-своему цель экспедиции, то есть уральский хребет. Все однако дружно были уверены, что граница Европы и Азии ощутима, что сумеем точно установить её положение. Тем временем мы стоим теперь на плоской вершине и собственно не знаем, в какой мы части света. Но долго не можем разбирать этого философско-географического вопроса. Вот быстро надвигается чёрная туча. Вскоре мы находимся уже в тумане и испытываем на себе удовольствия мелкого дождя. Мы одеваем свитера и штормовки с капюшонами. Прощаемся с гостеприимными манси и быстро сходим вниз. Склон горы превращается в широкий ручей дождевой воды. Мы мокнем, одновременно сверху и снизу.

Случай с дождем вырос до ранга символа: Азия проводила нас солнцем, а родная Европа приветствовала дождём. С тех пор дождь сопровождал нас очень часто.

На берегу Вишеры

В палатку ударяют мелкие капельки дождя. Стенки и козырёк изнутри покрыты влагой – конденсированным паром наших дыханий.

С соседней палатки добегают голоса Гали, читающей печальные стихотворения Есенина, которые дивно гармонируют с нашей теперешней ситуацией и настроением. Мы решили сегодня сделать дневной отдых. Это решение возникло скорее по необходимости, чем с желания набрать сил. Ибо дует сильный ветер, необыкновенно холодно, а притом мелкий дождик умеет пронизать все рубашки, свитера и штормовки.

Я стараюсь использовать первый и последний день перерыва, чтобы записать наблюдения и сочинить письма, которые смогу выслать пожалуй лишь через неделю.

Жалко, что погода приковала нас к месту и отобрала охоту восхищаться красотой природы. От востока на голой каменистой вершине виднеется скальный свидетель, словно руины старинной крепости. По противоположной стороне, за глубоким оврагом лежит плато, покрытое только мхом. Кучевые тучи поминутно загораживают его перед нами. На севере за туманом скрывается от нашего зрения вершина Гумпкапай. А с южной стороны внизу простирается густая тайга, через которую простирается Вишера.

После полудня дежурящий сегодня Витя решается на правдивое геройство. Невзирая на холод, ветер и дождь ставит шалаш со срубленных

еловых ветвей и зажигает под нѐм костѐр, употребляя для этой цели берѐзовую кору. Ждѐт нас вкусный ужин.

Ветер затих, дождь всё идѐт. Не можем терять ценного времени. Мы трогаем в путь берегом Вишеры. На нашей дороге тѐмные заросли, мокрая высокая трава, ветроломы, спутанные ветви и корни опрокинутых деревьев, ручьи, которые мы переходим вброд, не снимая сапог – ведь и так они совсем мокрые.

Благодаря большому количеству осадка с европейской стороны Урала великолепно разрослись папоротники метровой высоты. Под ногами непрерывный луг черники. Иногда километрами мы грязнем в болотах, или снова пробираемся среди зарослей горного склона.

Вдобавок злого похолодело и упал первый снег. Очень нас удивила буйная зелёная трава, покрытая белым слоем снега в день 1 сентября. Что ж, мы находимся на Северном Урале.

Наконец солнечный день. Вступает в нас свежесть и веселье. Мы не сдадимся тайге! Вернѐмся к цивилизованному миру.

Перерыв на обед. Мы садимся на камнях горного ручья. Уменьшенные с экономических соображений порции пищи быстро исчезают. Мы расходимся по поле черники.

Когда я занят собиранием ягод, слышу слова Гали: «Посмотрите, турист!» Действительно, стоит перед нами настоящий турист: в комбинезоне, с набитым рюкзаком. Вскоре подходит ещё шесть человек. Приветствия, веселье, радостные восклицания.

Туристы университета из Перми вышли в пеший турпоход также из Вижая, как мы, но их трасса была покороче и лежала к югу от нашей. Вела вдоль реки Северная Тошемка, к югу от вершины Чистоп и через Урал до Вишеры. Позавчера заметили наши следы. Решили догнать нас.

Приятно в безлюдной тайге встретить человека. Становится он другом, разделяющим труды пешего путешествия, помогающим в борьбе с дикой природой.

От этого момента пермские туристы стали для нас неотъемлемыми товарищами странствования.

Над чистоводной Вишерой стоят четыре палатки. Рядом стреляет в небо огромный костѐр: горят толстые деревянные стволы, разрезанные на двуметровые колоды. Огонь освещает лица тринадцати туристов сидящих полукругом. Вечером плывут в тишине спокойные песенки пермских туристов, позже весѐлые и певучие русские песни. К голосу доходят туристы Киевского политехнического института. Раздаются мелодичные чувствительные украинские песенки, летят вдаль с треском костра и шумом реки.

Туристы разных национальностей, с отдалённых городов, соединённые желанием познания уральской тайги, при общем костре беседуют и поют. Есть что-то символическое в этом студенческом биваке.

Красивый ясный день. Небо чистое, голубое. Лес тонет с утра в поводке солнечных лучей. Природа набирает странного обаяния, лёгкости форм, прозрачности структуры. Трудно изобразить красоту цветов осеннего наряда Урала. Тёмно-зелёные, с голубым отливом ели, ясно-зелёные пихты, раскидистые и полные серьёзности старые кедры, а между ними робко втиснутые златолистные берёзки...

Высокие, прозрачные в солнечных лучах папоротники скрывают нас почти полностью, сочно смачивая одежду и рюкзаки, или снова расходятся, раскрывая журчащие ручейки, которые мчатся с огромной скоростью.

Зелень леса кончается. Впереди жёлто-зелёные, апельсиновые и красные лужайки, заросшие белоснежными берёзками. Под ногами клокочет вода, свысока прижигает солнышко, а в душе радостно и тепло.

Издали слышится шум горных ручьёв. Стремительные и бурные с треском прокатывают воду по вымытым начисто камням.

Чудесный уральский край! Много красоты раскрывает он перед каждым, кто пешком проходит его бесконечные пространства.

Хорошая погода не продолжается долго. Снова моросит пронизывающий мелкий дождик. Природа становится серой, неприятной.

От нескольких дней ежедневно мы ожидаем встретить селение Лыпия на берегу Вишеры. А её всё нет! Всё оказывается, что мы плохо считаем количество пройденных километров, что назначенный на карте пункт пребывания это место, где хотели бы быть, но где не находимся. Лыпия удивительно убегает от нас, а тем временем сближается окончательный срок высылки телеграммы в Полуночное. Если мы не дадим телеграммы, начнут искать нас в тайге.

По обеденной еде, оставив под деревом банку после сгущенного молока (пермяки вместо молока в порошке тащили жидкий конденсат), мы отходим от реки. Напрямик ведёт пермяк Алик. Вокруг болота заросшие кочками трав, мха и кустами лозы. Начинается трудное перескакивание опасных мест трясины, бредение по грязи или по траве покрытой водой. Рвы полные грязи и воды мы проходим по наклонённым к земле веткам лозы. Несколько раз мы изменяем направление марша. Дабы вперед, дабы скорее дойти к селению!

После нескольких часов мы сближаемся к реке. Но что же это? Под деревом лежит брошенная нами банка. Итак мы сделали в болоте огромную петлю и вернулись к исходной точке. Компрометация! Я воображаю, как не по себе чувствует себя ведущий. Мы ведь на его

пермской земле. Все тринадцать молчат, хотя каждый замечает ошибку. Алик ведёт теперь берегом реки, без сокращений, через камни и заросли.

Беспеременно льет осенний дождь. Одежда мокрая насквозь, вода пробралась в рюкзаки, хлюпает в сапогах, стекает с брюк, льётся с капюшона на голове. Быстрый марш вызывает выделение пота, который отлагается на одежде изнутри. Каждый короткий отдых делает из одежды холодную неприятную броню. Пояски рюкзаков врезаются в плечи.

Вперёд, всё вперёд! Может быть сегодня мы дойдём уже до Лыпии. Мы растягиваемся на значительном расстоянии. Первые недовольны плетущимися в хвосте, усталые считают, что головная группа должна идти медленнее. Никто однако не показывает усталости или злого юмора. Кому тяжело, он молчит. Кто способен шевелить языком, тот вслух мечтает о варенной картошке. Шестнадцатый день в тайге сотворил своё: чёрный хлеб сделал великолепной едой, а тёплую комнату – вершиной жажд.

Река поворачивает. Мы останавливаемся перед отвесной, сорокаметровой скальной стеной. Невзирая на усталость мы лезем вверх. Никто не сползает по скользкой стене. Никто не жалуется, не ругается.

Мы идём склоном горы. У её подножия течёт широкая, взбухнутая Вишера, которую мы знаем от рождения – от узкого ручейка. Трудно удержать равновесие, шагая по мокрой траве, трудно проходить через лежащие на откосе свалённые деревья.

Опускаются сумерки. На относительно горизонтальной поляне мы разбиваем бивак. Без поручений, напоминаний каждый находит себе место работы. После половины часу стоят уже четыре палатки. Между деревьями расстёгнут шалаш с ветвей для разожжения костра, лежит хворост, рядом толстые деревянные стволы. Четыре ведра воды, внесённое из реки наверх, ожидают дежурных, которые приготовят ужин.

На лес опускается темнота. Дождевые капли ударяют в полотна палаток. Пламя огромного костра стреляет в небо. Огонь трещит и гудит, будто хочет возвестить таинственной, омертвелой окрестности, что в руках людей он умеет преодолеть своего главного врага – воду льющуюся из туч.

При огне полукругом сидит тринадцать человек. В дыме копятся мокрые части гардероба. После ужина к шуму дождя и треску костра присоединяется третий голос: пение туристов удовлетворённых, что умели победить природу и собственную боязнь перед её первобытностью и жестокостью. Гордость гостит в каждом с сердец. Даже дождь, признав наверное свой труд напрасным, несколько редет.

Становится утро восемнадцатого дня пешего странствования. Холодно, хотя светит солнце. От момента вчерашней встречи первых людей: рыбаков на моторной лодке – овладела нас лихорадка. Всеми силами мы стараемся перебраться последние километры, делящие нас от

селения Лыпия, которое становится в наших мыслях воплощением культуры, цивилизации и вообще всех достижений человечества.

Вот первые следы пребывания человека: пепел костра, истоптанная тропа. Подальше на берегу реки стоят стога сена. Близость селения добавляет крыльев.

Мы останавливаемся наконец над устьем речки Лыпия. Слева, за Вишерой, громоздится темнозелёный хребет Тулымского Камня (1377 м), прикрытый белым колпаком снега. А перед нами за водой – селение! Создают его правда только два деревянных домика, но это хватит. Главное, что после дней холода, ненастий и изнурения мы снова среди людей.

Мы сидим в небольшой тёплой комнате и едим жаркую картошку, запивая молоком. Никогда она не была так вкусна как сейчас. Опорожнив два ведра картошки некоторые осязают сонливость и сидя засыпают.

Я смотрю по комнате. Стол, две скамьи, ящик, кровать, печь занимающая пол комнаты – вот всё её устройство. Так мне в Полуночным представляли хаты староверов. В углу, как в каждой православной хате, икона. Под ней по полкам толстые книги. Хозяин, семидесятилетний бодрый старичок Пантелеймон Корнилович, разрешает их посмотреть. Я беру в руки огромного формата том в кожаном переплёте, открываю. Ряды старославянских букв создают предложения трудные для чтения. Начинается повесть хозяина. Мои товарищи по вежливости слушают страшный рассказ о конце мира, который наступит через четыре с половиной года. Никто не противоречит, никто не смеётся со старичка. (Разговор имел место 5 сентября 1958 г.).

Мы узнаём, что старичок недавно женился на тридцатипятилетней женщине, которая именно вчера через тайгу пошла в гости в ближайший посёлок отдалённый 25 км. Не боялся ли пустить её одну?

- Нет, не первый раз пошла сама. Впрочем взяла ружьё – отвечает.

Хозяин обещает перевезти нас завтра своей лодкой с подвешенным двигателем к следующему посёлку над Вишерой, Присковая, отдалённому 35 км на юг. Дружественную группу пермяков отвезёт второй лодкой сын старика живущий в доме рядом. До ближайшей железнодорожной станции в Соликамске остались ещё сотни километров дорогой по волнам Вишеры и Камы (300 км в прямой линии). Но странствование через тайгу, горы и болота мы имеем уже за собой. Времена расчёта только на собственные силы миновали. Уже через несколько дней мы услышим радио, прочитаем газеты.

Как приятно возвращение к обществу и цивилизации может представить себе только тот, кто так как мы проходил глухие заросли тайги. Человек – общественное существо! Мы убедились в том, как никто другой.

1958.

ТУВА

Страна своеобразной дикой экзотики. Краина песчаных барханов, пространных степей, высоких вершин покрытых густой тайги или снегом блестящим в солнечных лучах, живописных скал, глубоких оврагов, гудящих водопадов на горных реках, таинственных пещер...

В центральной части Азии, к югу от массивов Западного и Восточного Саяна, близко границы с Монголией, с востока до запада на длине 700 км простирается Тува. На территории площадью в половину Польши проживает едва 210 тысяч населения.

В 1921-1944 годах страна эта была самостоятельным государством называемым Тувинской Народной Республикой. В 1944 г. Тува вошла в состав Советского Союза, становясь автономной областью, а с 1961 г. – автономной республикой.

Тува – это в прошлом край пастухов-аратов, которые проживали в аалах, состоящих с нескольких или более десяти юрт. Распоряжались аратами баи, а учили их ламы. Сегодня это край рационального животноводства овец, коров, коз и сарлыков (разновидность яка). Всё шире на степи входит сельское хозяйство. Последние года принесли Туве промышленность, прежде всего довывающую.

Расстояние 485 км из Красноярска до столицы Тувы самолёт пролетел в течение часа. Когда уступили горы, покрытые густым тёмно-зелёным лесом, а их место заняли голые серобурые, выжжённые солнцем холмы, самолёт сошёл к приземлению.

И вот я в городе Кызыл, отдалённом от Москвы почти на 4700 км. Столица Тувы лежит в центре азиатского континента, у стечения рек Бий-Хем (Большой Енисей) и Каа-Хем (Малый Енисей), создающих Улуг-Хем (Верхний Енисей).

Об исключительном положении города напоминает каменный обелиск, представляющий земной шар на пьедестале, из которого вырастает высокий 12-метровый шпиль. Надпись на языках русском, тувинском и английском информирует, что именно здесь находится середина Азии. Обелиск стоит на высоком песчаном берегу Енисея, на краю города. Вдоль правого берега реки виднеется Уюкский хребет с хорошо видимой конусообразной горой Тогэ.

Ещё в 1914 году в этом месте, где сегодня стоит обелиск, было пусто. Поблизости центральной улицы располагалось болото. На месте стадиона стояли три «ова» – кучи хвороста обвешенные конским волосом, тряпками, бутылками и игрушками, которые были даром верующих для местного духа. Там, где теперь центр города, образованный представительными многоэтажными зданиями, находились только песок и сорняки. В 1914 г. при стечении двух широких рек основан был город Белоцарск. Свидетелем

этого случая был один из лучших русских исследователей центральной Азии Григорий Грумм-Гржимайло.

Сегодня Кызыл это 50-тысячный город, центр властей автономной республики, в котором действует педагогический институт, также институт языка, литературы и истории. Находится здесь театр, стадион, на котором происходят тувинские национальные борьбы «хуреш». В промышленной части города работают заводы промышленности продовольственной, кожаной, деревянной, строительных материалов. Кызыл имеет собственную электростанцию и телецентр. Вокруг города лучезарно расходятся дороги, использованные автобусным транспортом. С остальной частью России Туву соединяет горная автобусная линия Кызыл – Абакан (столица Хакасской автономной области в Красноярском крае). Железная дорога ещё не дошла до республики. В кызыльском аэропорту приземляются самолёты из Красноярска, Абакана, а также из всех городков, даже деревень 11 районов республики. Внутренние линии Тувы обслуживаются преимущественно маленькими самолётами АН-2 на 10 человек, приземляющимися беспрепятственно на травянистых деревенских аэродромах.

Небывалое развитие оригинальной авиации поразило меня. Лишь после знакомства с Тувой я пришёл к выводу, что это было пожалуй самое удобное и дешёвое решение проблемы сообщения в этой пространной и гористой стране, лишённой густой сети дорог.

Вот район Тоджи площадью в два польских воеводства, край тайги и озёр, окаймлённый главным хребтом Саянов и хребтом Академика Обручева. Вершины горных кряжей возвышаются здесь до трёх тысяч метров (пик Топографов 3044 м на границе с Бурятией). На огромном пространстве над реками расселось только несколько больших деревень, из которых одна, Тоора-Хем, является центром района. Дорога соединяющая Кызыл и Тоора-Хем вилает среди гор и не годится для транспортных целей, поэтому для пассажирских перевозок используются самолёты АН-2, которые расстояние 150 км пролетают в течение часу.

«Кто в Тодже не был, тот Тувы не видел» – говорит тувинская пословица. Тоджа – это действительно самая красивая часть республики. Здесь, в непроходимых зарослях тайги, можно встретить медведя, лося, косулю, марала, кабаргу, рыся, кабана, волка, лисицу, бурундука. В прозрачных водах озёр нашли удобные условия для жизни так привередливые рыбы, как сиг, хариус, таймень, чебак и налим.

Первобытность этого пространства, оригинальная красота его природы, отличная обстановка для охоты и рыболовства стягивают сюда в последнее время всё больше групп туристов. Турпоходы в Тодже квалифицируются к высочайшим категориям трудности. Это чаще всего многодневные пешие переходы соединённые со сплавами плотами по

Большому Енисею. Трудная обстановка житъя среди суровой природы формирует в молодёжи самостоятельность, распорядительность, закалку и оставляет воспоминания о совершении трудного подвига. Пожалуй поэтому в тайге Тоджи можно встретить молодых россиян, которые весь свой отпуск посвящают на прохождение нескольких тысяч километров и организацию странствования через безмерную тайгу Тоджи.

Но Тува это также более заселённые пространства лежащие над Малым Енисеем, Верхним Енисеем, Хемчиком. Существуют здесь колхозы занятые сельским хозяйством и животноводством, а в последнее время в связи с геологическими открытиями входит добывающая промышленность. На месте открытия месторождений асбеста вырос комбинат ТУВААСБЕСТ и город Ак-Довурак (у подножия Шапшальского хребта с высочайшей вершиной Ак-Оюк 3613 м). Над шумящим Элегестом, пробивающимся среди скал, построен комбинат ТУВАКОБАЛЬТ и посёлок Хову-Аксы. Продолжаются разведывательные работы. Бородатые геологи ищут новых месторождений и находят всё новые естественные богатства.

Полдень августовского дня. Солнце безжалостно греет. Температура превзошла пожалуй 30 градусов. К счастью дует лёгкий ветерок охлаждающий немного тело. Организм теряет воду, надо её дополнять. В кызыльском баре я заказываю чай по-тувински, который якобы превосходно утоляет жажду. Получаю зелёный чай с молоком, легко посоленный.

На улицах города, как обычно в эту пору, движение. Преобладают тувинцы, коренастые, с монгольскими чертами лица, одетые по европейскому образцу. Только иногда можно заметить старшую женщину в региональном наряде.

На площади при автовокзале я сажусь, вместе с моим товарищем Виталием и его молодой женой Раисой, в автобус, который вскоре трогает. Выезжает из города, оставляя за собой последние деревянные постройки. Вскоре автобус из асфальтового шоссе поворачивает на грунтовую дорогу. Вокруг, куда ни глянь, распростирается легко морщинистая степь, изредка заросшая полынью, эспарто, овсяницей, караганой. Колёса автобуса всё время поднимают облака пыли, которая проникает через задние окна и неплотные двери во внутрь автобуса. Мы покрыты слоем пыли. Со степи дует жаркий ветер.

Проходят десятки минут. Всё продолжается езда среди серо-зелёной степи спечённой солнцем. Иногда из-под колёс автобуса выпрыгнет суслик или вылетит какая-то птица. И снова автобус взбирается на очередной пригорок. По дороге мы выпиваем всё содержимое наших туристических фляг. Никак не можем утолить жажду.

Наконец, после нескольких десятков километров дороги через безводную степь, вдали виднеется полоса зелени. Когда приближаемся, я вижу пояс трав, кустов и деревьев вдоль небольшого ручья. Стоит юрта чабанов, а поблизости – стадо коров. Я сейчас даю себе представление, насколько большое, основное значение для жизни имеет вода. Лишь здесь, в степи, можно об том убедиться.

Автобус приближается к блестящему вдали водоёму. Но что же это? Озеро окаймлено зоной полностью лишённой растительности. Мы над солёным озером Дус-Хол. Вода и грязь из озера действуют целебно. Вода содержит йод и бром, в состав ила входит сероводород. Видно людей купающихся в тёплой воде. Вокруг стоит несколько автомобилей и палаток. Жители Кызыла любят проводить здесь отдых.

Ещё четверть часа и автобус кончает свой бег в центре района деревне Бай-Хак, отдалённой на 65 км от столицы. Измученные путешествием, жарой и пылью мы выходим из автобуса и идём через деревню, застроенную серыми деревянными домами типичными для этих окрестностей. Проходим возле травянистого аэродрома с взлётной полосой на несколько сотен метров. Отсюда бипланы «кукурузники» летают до Кызыла через каждые два часа. (Собственно, трассу обслуживает один самолёт, так как пролёт длится двадцать минут).

Мы останавливаемся перед лесом взбирающимся по склонам гор Танну-Ола. Едва 50 километров делит нас от границы с Монголией и 500 км от Китая.

На небольшой горной поляне, покрытой буйной травой, стоит наша серебристая палатка. Вокруг шумит лес, состоящий с ели, берёзы, рябины, ольхи. Последние лучи солнца, скрывающегося за близлежащей вершиной, освещают стоящий на краю поляны роскошный тёмно-зелёный раскидистый сибирский кедр, а рядом светло-зелёную лиственницу, скромно составляющую компанию кедру. Достаточно пройти несколько шагов, чтобы поесть ягод черники, брусники, попробовать ягод крыжовника, малины, красной и чёрной дикой смородины. Восхищает меня щедрость здешней девственной природы. Особенное удивление вызывает куст метровой высоты, осыпанный продольными чёрными ягодами, величиной в фасоль, из которых каждая покрыта белым налётом. Видя, что мой товарищ срывает и съедает эти ягоды, я спрашиваю названия куста. Это «жимолость», типичный представитель южной части сибирской тайги. Я пробую ягоду, кажется слишком терпкой. Но сваренный на костре с ягод красный компот, услащённый, очень вкусный.

Несколько ниже нашей полянки, скрытый среди трав и ветвей ивы, журчит горный ручей. Над нами на склоне горы распростирается луг, покрытый богатой растительностью. Постоянно звучит стрекотанием кузнечиков. Я подхожу по лугу вверх, тщательно присматриваясь здешним

растениям. И вот на скале я вижу эдельвейс. Он немного меньше своей тёзки из Татр, у него длинный стебелёк. Подальше – множество этих растений. Да, надо было приехать из Польши в центральную Азию, чтобы наблюдать эти симпатичные звёздочки, символы мужества, выносливости и отваги.

Солнце садится, становится всё более прохладно, наконец надо надеть на себя всю имеющуюся одежду. Мы разогреваем камни на костре, раскладываем их возле, прикрываем еловыми ветками и на этом ставим палатку. Уже с самого начала в палатке тепло.

Трещит хворост в костре, лес вторит извечным шумом. На беслунном небе ярко блестят звёзды. Просторный и таинственный хребет Танну-Ола засыпает, так же как перед веками, когда тувинцы заселили его плеядой добрых духов и богатырей, у которых искали помощь в трудах ежедневной жизни. Тувинские легенды дивно напоминают наши польские повести. Вот одна из них.

Давным-давно, когда многострадательная Тува терпела под игом угнетателей, дорогой через горы Танну-Ола в Монголию и Китай шли караваны верблюдов, нагруженных добычей. Однажды караван вёз собранную в Туве дань для богача Этен-Багды. Медленно шагали животные связанные друг с другом. Вдруг со скалы висячей над дорогой упали на караван смельчаки араты, отобрали дань, а затем разделили её между беднягами. Люди сохранили память о героях и назвали скалу Теве-Адар, что значит «простреленный верблюд».

И ещё одна легенда.

Богатый хан, у которого было больше скота чем караганы в степи, решил свою единственную дочь Доспан выдать замуж за богатого холостяка. Долго жадный хан искал соответствующего кандидата, однако не мог найти, так как каждый казался ему мало богатым. Тем временем красивая Доспан ежедневно выезжала верхом в горы, где её любимый Арзылан пас коней. Об их любви знали только горы и река. Наконец отец нашёл жениха для дочери. Бай Тумен-Баир прислал ценные подарки, а спустя тридцать дней прибыл лично со свитой и караваном. Доспан увидев это вскочила на коня и полетела на скалу к Арзылану.

- Разве мы должны здесь расстаться навечно? – воскликнул Арзылан.

- Нет, мы всегда будем вместе! – ответила девушка.

Парень и девушка обнялись последний раз и бросились в пропасть. Только камни прогрохотали и эхо пролетело среди гор. Солнце последний раз взглянуло на скалу, чтобы больше уже никогда на неё не смотреть. Поэтому люди прозвали мрачную скалу Хун-Кербес, что значит «не зрячая солнца».

1968.

БАЙКАЛ

Озеро Байкал природа спрятала далеко от людей, в мало доступные окрестности Восточной Сибири, среди высоких гор и бездорожий тайги. До сегодня учёные спорят, появился ли Байкал в результате медленных движений земной коры или огромной тектонической катастрофы. Считает ли себе 25 миллионов лет или может быть даже 700 миллионов лет – как утверждают другие. Тектонические движения, которые образовали озеро, продолжают по-прежнему, о чём свидетельствуют горячие источники и частые здесь землетрясения. В 1862 г. в дельте Селенги Байкал захватил сушу площадью 200 км². Этот уникальный бассейн исключительно чистой низко минерализованной воды геофизики считают родящимся морем, так как берега озера расходятся подобно континентам Южной Америки и Африки. О чистоте воды свидетельствует проведённый здесь эксперимент: белый диск погруженный в озеро наблюдался до глубины 42 м.

Длинное на 636 км и широкое до 79 км озеро опоясывают горные хребты высотой даже два километра над его поверхностью. Высочайшая вершина Байкальского хребта (2572 м н.у.м.) носит имя Яна Черского, который вместе с другими поляками Александром Чекановским и Бенедиктом Дыбовским в XIX в. положил огромные заслуги в исследование Байкала. Подчёркиваются и разбираются они в музейной части Лимнологического института в Листвянке на берегу озера. Горы в нижней части порастает тайга из сосны, сибирского кедра, лиственницы и берёзы, выше – низкорослый кедр выполняет роль нашей карликовой сосны, ещё выше – зона лугов называемых альпийскими, а потом – каменные россыпи и скалы. На обход озера по береговой линии, длиной 2100 км, надо хотя бы три месяца.

Средняя температура августа составляет здесь 11 градусов Цельсия, а февраля – минус 19 градусов, итак не странно, что Байкал с января по май покрывается однометровым даже льдом. Летом и зимой веют ветры, бывают ураганы до 40 м/сек., которые поднимают на озере волны до 5 метров. Мимо настолько трудных условий в озере живёт 1200 видов животных организмов, в том числе три четверти составляют эндемические организмы, встречающиеся только здесь, как напр. прозрачная голомянка – живородящая рыба. Омули, хариусы и сеи, ловленные в Байкале, являются деликатесами в ресторанах Иркутска, отдалённого от озера на 65 км. Из млекопитающих можно встретить на берегу тюлени. Рядом в тайге живут медведи, лоси, северные олени, косули, волки, кабаны, кабарги и соболи. Из птиц можно перечислить глухари, тетерева, рябчики и куропатки.

Глубина Байкала достигает 1641 метров, что даёт ему название самого глубокого озера мира. Содержит оно наиболее, ибо пятую часть пресной воды планеты, столько что пять больших североамериканских озёр вместе взятых, пять раз больше чем вместе остальные пресноводные

озёра Европы и Азии. Вливается в него 336 больших и малых рек, а вытекает только одна – огромная и быстрая Ангара, отдающая свои воды Енисею, который впадает в Арктический океан.

Вот легенда о старом Байкале и его дочери Ангаре.

Когда-то мощный Байкал любил свою дочь Ангару. Красивее чем она не было в мире. Все ей восхищались, ибо днём была как небо, ночью – как дождевая туча. Раз, когда уснул старый Байкал, Ангара побежала к молодому Енисею. Проснулся Байкал, гневно поднял волны, загремел бурей, поломал в горах деревья, зачернил небо. Животные со страха разбежались по земле, рыбы заныряли на самое дно, птицы поднялись к солнцу. Сильный Байкал ударил в гору, отломал скалу и бросил её за убегающей дочерью. Скала упала ей на горло. Ангара, гибнувши с жажды, умоляла отца, чтобы дал ей хотя бы каплю воды. Рассерженный Байкал крикнул: «Я могу тебе дать только свои слёзы».

Тысячи лет уже Ангара несёт к Енисею отцовские слёзы, а одинокий седой Байкал пасмурный, суровый, а часто несдержанный. На скалу, которую бросил старик, называемую Шаманским камнем, люди приносят дары. Просят, чтобы Байкал не вырвал скалы, не выкинул её отсюда, ибо тогда вода зальёт всю землю.

К Байкалу направляются любители встреч с экзотичными животными, плавания судами по озеру и купания в холодной воде.

Судно привезло нас на берег Песчаного залива. Находится здесь одна из туристических баз над Байкалом. Песчаный пляж заслонен от ветров постоянно веющих над озером. Я удивляюсь людям, которые купаются в воде, имеющей сегодня 15 градусов. На крае пляжа растёт несколько деревьев, из-под которых ветер выдул песок. Деревья стоят на собственных корнях как на ходулях. Недалеко вырастает из воды на высоту 105 м мощная скала, называемая Большой колокольней, а из неё открывается чудный вид на огромный простор вод Байкала.

Красное солнце медленно приближается к поверхности озера. Далёкие горы на противоположном берегу разделяют синь неба от сини воды. Мы разжигаем костёр. Красный цвет огня некоторое время конкурирует с таким же цветом солнечного диска. Когда солнце ныряет в байкальской пучине, уже только огонь рассеивает густеющий мрак.

Когда в полночь костёр догорает, я в палатке включаю транзисторное радио. Иркутск отдаёт голос Москве. В столице России 19 часов. А в Польше семнадцать и солнце ещё высоко светит на небе. Над палаткой шумит извечная тайга, а волны Байкала вторят ей, разбиваясь на берегу, будто поют старую песню «Славное море, священный Байкал...»

Януш Фукса

1968.

СНИМКИ

Ялта в Крыму

Ласточкино гнездо в Крыму

Ай-Петри, берег Крыма и облака на море

Ханский дворец в Бахчисарае в Крыму

Вишера на Урале

Тулымский Камень – вид из Вишеры

Северные олени в тайге

Сибирская тайга

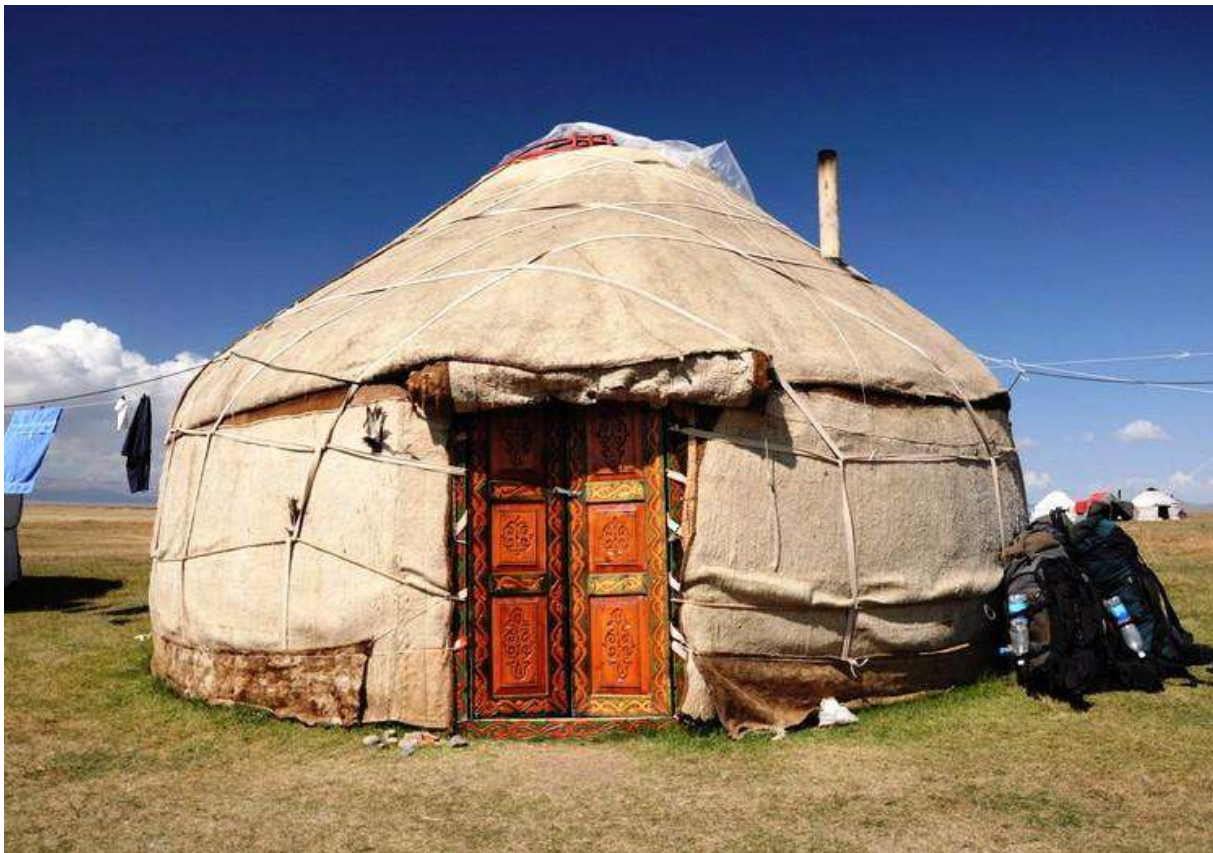
В Туве

Озеро Дус-Хол в Туве

Верблюды в Туве

Тувинская юрта

Дом в сибирском стиле в Иркутске

Железная дорога на берегу Байкала

Байкал – вид из Камня Черского

Байкал зимой

Снимки с Интернета

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие – 2

Воспоминания из путешествий – 3

Крым – 3

Урал – 13

Тува – 26

Байкал – 31

Снимки – 33

Ялта в Крыму – 33

Ласточкино гнездо в Крыму – 33

Ай-Петри, берег Крыма и облака на море – 34

Ханский дворец в Бахчисарае в Крыму – 34

Вишера на Урале – 35

Тулымский Камень – вид из Вишеры – 35

Северные олени в тайге – 36

Сибирская тайга – 36

В Туве – 37

Озеро Дус-Хол в Туве – 37

Верблюды в Туве – 38

Тувинская юрта – 38

Дом в сибирском стиле в Иркутске – 39

Железная дорога на берегу Байкала – 39

Байкал – вид из Камня Черского – 40

Байкал зимой – 40

Брошюра с этим текстом была издана Секцией воспитанников КПИ в Польше
в цикле *Воспоминания из Киева* в 2009 г.